

С.Ю. Кашкин

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ – ПЕРСПЕКТИВА ЭВОЛЮЦИИ ПРАВА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА?*

Аннотация. Рассматриваются основные тенденции развития права на этапе цифровой трансформации – от киберправа через интеграционное право, сетевое право, платформенное право и в направлении к концепции устойчивого развития, на которой формируется право устойчивого развития. Обосновываются основные тенденции правового развития современности, объясняются причины и следствия вызывающих эволюцию права общественных явлений с акцентом на формирование права устойчивого развития, его черт и особенностей. Используются методы сравнительного правоведения, сравнительного интеграционного права, методология сетевого, платформенного и экосистемного права, а также права устойчивого развития. Делаются выводы и рекомендации для исследователей и практиков.

Ключевые слова: право устойчивого развития, эволюция, развитие, киберправо, экономика, сетевое право, платформенное право, экосистемное право, устойчивое развитие.

S.Yu. Kashkin

SUSTAINABLE DEVELOPMENT – AN EVOLUTION PERSPECTIVE FOR THE MANKIND?

Abstract. The article discusses the main trends in the development of modern law at the stage of digital transformation – from cyber law, through integration law, network law, platform law and towards the concept of sustainable development, on which the law of sustainable development is formed. The main trends in the legal development of modernity are substantiated, the causes and consequences of social phenomena causing the evolution of law are explained with an emphasis on the formation of the law of sustainable development, its features and characteristics. The methods of comparative law, integration comparative law, the methodology of network, platform and ecosystem law, as well as the law of sustainable development are used. Conclusions and recommendations for researchers and practitioners are made.

Keywords: sustainable development law, evolution, development, cyber law, economics, network law, platform law, ecosystem law, sustainable development.

После появления примитивной экономики право стало обеспечивать господство одних над другими. Наука и технологии тоже служили экономическим интересам. Эти три сферы жизни развивались, хоть и в интересах экономики, но каждая по своим правилам.

Главными в экономике стали товары, затем на первое место вышли услуги, начался процесс дематериализации хозяйственной деятельности, а сегодня, с появлением цифровых технологий, даже деньги начинают уступать место науке и новейшим технологиям.

* Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030».

Кашкин Сергей Юрьевич

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Москва; профессор кафедры истории и теории права и государства, Российский новый университет, Москва. Сфера научных интересов: интеграционное и европейское право, международное право, история и теория права и государства. Автор более 200 опубликованных научных работ.

Электронный адрес: eul07@mail.ru

И вот эти технологии стали не только определять условия жизни человека, представлять угрозу для окружающей его природной среды, но и вторгаться в самого человека – в его тело, эмоции, мышление, способность принимать самостоятельные решения... Вот почему юристам необходимо найти правовые механизмы регулирования и контроля этих новейших технологий, а главное – сделать так, чтобы научно-технологический прогресс не погубил природу, обеспечил безопасное развитие общества на обозримую перспективу, и сохранить человеческое в человеке. Для этого необходимо сначала хотя бы кратко проанализировать основные результаты и тенденции цифровой трансформации современного права, весьма тесно связанной с экономикой.

В середине 50-х годов XX века в результате соединения права и экономики появилась конституционная экономика [6]. Новая социально-технологическая рево-

люция породила компьютер, киберправо, цифру, цифровую экономику¹ с информационными сетями, цифровыми платформами и экосистемами [1] и «обнимающее» их цифровое право [8].

В России и мире из группы информационно-технологических наук к концу XX века первой была признана юридическая наука информационного права [2]. Появление компьютера привело к созданию сети Интернет, информационно-коммуникационных технологий, сетей сотовой связи. Таким образом, сетевые понятия стали проникать в экономику, право, государственное управление и практически во все стороны жизни и потребовали соответствующего правового регулирования.

В результате киберправо, соединившись с сетями, способствовало появлению и развитию современного сетевого права, которое функционирует в особом «сетевом» пространстве [4]. Сетевое право – это учение «о сетях, представляю-

¹ По итогам заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 года утвержден паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Паспорт нацпрограммы разработан Минкомсвязи России во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и включает шесть федеральных проектов: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная инфраструктура», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии» и «Цифровое государственное управление». Срок реализации нацпрограммы – с октября 2018 года по 2024 год.

щих собой систему норм, регулирующую общественные отношения в электронных сетях различных видов и (или) с помощью электронных сетей, закрепляющих правовое содержание построения и функционирования сети» [3]. Информационно-сетевые технологии позволяют обеспечивать большие возможности для закона быть точным и строгим, а для наказания – стать неотвратимым.

Интеграция трех компонентов, функционирующих на основе цифры: информационного права, сетевого права и искусственного интеллекта – стала логической основой появления нового направления развития современного права – платформенного права² [10; 11; 12]. Катализатором его эффективного развития стали три основных фактора современной жизни:

1) появление и ускоренное развитие разнообразных платформенных моделей в экономике;

2) технологические особенности цифровых платформ, ставшие одним из триггеров современного этапа научно-технологической революции;

3) и их неразрывная связь с взрывным развитием искусственного интеллекта, а самое главное – интеграция их в единое целое.

Войдя в структуры платформ, сети привнесли в них системность, обеспечивающую их структурное единство, поскольку «платформенные системы по своей сути являются физическим воплощением сетевой структуры взаимодействия» [7].

Информационно-технологический компонент создал необходимые условия для быстрого принятия решений и контроля за внутренними процессами в платфор-

менных образованиях. Искусственный интеллект на основе самообучения и саморазвития организует гибкое и рациональное взаимодействие базовых компонентов платформ, сцементированных цифрой и обеспечивающих качества, столь необходимые для осуществления эффективного правового регулирования. Все это делает платформы более сложными, масштабными, но гибкими и управляемыми. Вот почему в результате не могли не появиться качественно новые черты права, формируемого для обслуживания платформ.

Сегодня цифровые технологии интегрировали и программные продукты, связанные с цифрой, и товары, и услуги, и науку и стали подчинять себе не только экономику, влиять на право, но и вторглись в сущность самого человека, в его естественный интеллект. Происходит деперсонализация личности и человеческих отношений. Пришло время спасать и экономику, и науку, и обеспечивающую жизнь природную среду, и самого человека.

В этом нам может помочь право. Именно оно способно обеспечивать эффективное развитие цифровой экономики, обуздать буйство искусственного интеллекта и цифровые технологии, а главное, готово служить человеку и обеспечить устойчивое развитие общества. При этом право должно не пассивно, с отставанием следовать за новейшими технологиями, а предопределять развитие полезных человеку достижений науки и техники и предохранять его от опасностей.

Внутригосударственное право призвано приспособить интересы личности к решению общечеловеческих задач, а международное право – связать интересы

² В последнее время в зарубежных научных изданиях появились первые статьи на эту тему, причем в них встречаются скорее лишь упоминания, чем правовой анализ этого явления, чаще по экономической, чем по правовой тематике.

человечества с обеспечением самосохранения каждой человеческой личности в ее же интересах. То есть необходимо с использованием принципа солидарности гармонизировать национальное и международное право, соединив самосохранение человека и человечества в целом с окружающей его природной экосистемой. При этом должна измениться сама философия человека: от господства над природой он должен перейти к принципу взаимного, солидарного сбережения друг друга.

Отсюда возникает потребность синергетического интеграционного взаимодействия трех взаимосвязанных элементов современной жизни: науки, экономики и права. Это возможно посредством формирования интегрированных информационно-технологических платформ и экосистем, призванных гарантировать цивилизационно-сбалансированное устойчивое развитие общества. Оно неизбежно должно постепенно обеспечивать широкое международное трансграничное, региональное и даже глобальное научное, экономическое и одновременно правовое регулирование во имя выживания человечества!

Проанализировав международный опыт и позиции разных стран, можно прийти к выводу, что создание платформенного права и внедрение правовых платформ в экосистемы является самым действенным методом по обеспечению безопасности использования высоких технологий и искусственного интеллекта, а также успешно способствует созданию условий для разумного развития цифровых систем, деятельность которых направлена только на благо человечества. При этом реализация прав и свобод человека и гражданина остается для них высшей ценностью, определяющей стратегию развития права.

Прогрессивное развитие технологий создало условия для трансформации сете-

вого права в платформенное, однако технологический прогресс неуклонно ведет и к прогрессу правового регулирования. На сегодняшний день активное внедрение технологий искусственного интеллекта в те или иные информационные цифровые системы формирует потребность в создании права экосистем. Оно регулирует комплексные общественные отношения, возникающие посредством межплатформенного взаимодействия и их интеграции в экосистемы.

Экосистема предполагает свое функционирование в рамках демократического правового государства и взаимодействия с ним. При помощи права она должна создавать условия для обеспечения гармонии и в окружающей человека среде и в самом человеке. Именно взаимодействие интеграции, платформ и экосистем – трех самых масштабных инструментов глобализации – позволяет говорить о возможности достижения устойчивого развития на основе соответствующего сходного правового регулирования.

При этом все большее значение для исследуемых новых направлений права – информационного, сетевого, платформенного, экосистемного и новейшего направления – права устойчивого развития – обретает необходимость установления прочной прямой и обратной связи с элементами гражданского общества. Это может быть осуществлено посредством использования уже работающих инструментов сетевого права, распределенных сетей и нового поколения искусственного интеллекта, совершенствующихся в платформе и вошедших через нее в экосистемное право и право устойчивого развития.

Таким образом, подводя итог эволюции новейшего периода развития права под влиянием научно-технологического прогресса, мы видим следующую цепь

взаимосвязанных событий: в результате появления компьютера родилась цифра, способствовавшая появлению сети и сетевого права. Многообразие сетей под воздействием (искусственного интеллекта – далее ИИ) позволило создавать экономические платформенные модели, платформы и суперплатформы с еще более сложными сетевыми структурами. Для функционирования платформ потребовалось платформенное право. Оно стало соперничать с правом государства и привело к совершенствованию ИИ, угрожающему уже самому существованию человека. Следовательно, возникла необходимость ограничения ИИ и цифровых технологий в интересах обеспечения безопасности человека.

Но это уже становится возможным только в рамках новой «экологически дружественной» человеку правовой системы – экосистемы, функционирующей в интересах человека и человечества. А такая система уже не может существовать без нового экосистемного права, развитие которого юридическая наука может и должна прогнозировать и совмещать с развитием демократического правового государства и институтов гражданского общества.

Цифровая экосистема – это комплексная многосторонняя и многофункциональная система цифровых платформ, отвечающая следующим основным критериям: наличие информационно-технологической инфраструктуры, возможность аналитического использования больших данных, открытость для партнеров, пользователей, с опорой на принцип win-win и высокой степенью совместной включенности элементов экосистемы друг в друга [5]. Будучи распределенной, она является адаптивной, открытой социотехнической системой со свойствами самоорганизации, масштабируемости и устойчивости. Все эти харак-

теристики вошли и в современное понятие устойчивого развития.

Экосистема, рассматриваемая с точки зрения ее позитивных возможностей, – это своеобразная система *трех* «эко»:

1) по отношению к человеку, человечеству и заложенной в ней гуманистической идеологии она должна быть экологична, то есть должна быть удобна и служить его интересам, быть human friendly и одновременно должна сохранять природную экосистему;

2) по результату, к которому экосистема должна стремиться, – экономия средств и ресурсов для человека и человечества;

3) по сфере действия – экономика для благосостояния людей.

Таким образом, мы видим, что экосистема и экосистемное право могут быть успешно использованы в качестве экономической и правовой модели реализации ESG-концепции (то есть это система, глобально увязывающая между собой прежде всего вопросы экологии, социальные и управленческие задачи устойчивого развития).

Для того чтобы эффективно регулировать с использованием правовых инструментов все многообразие взаимосвязанных социальных, управленческих и экологических сторон общественной жизни, сконцентрированных в широком современном понимании концепции устойчивого развития, необходимо найти ту базовую точку опоры, к которой все это инновационное правовое регулирование должно быть приложено.

Эта точка и есть подлинная основа общества, рождающая регулируемые правом общественные отношения, – это человек, личность, его индивидуальная неповторимость и уважение к ней и всему разнообразию ее интересов. Но эта личность, чтобы жить и пользоваться своими неотъемле-

мыми правами и прежде всего правом на жизнь, должна не бездумно эгоистически (как это было в течение долгих веков развития нашей цивилизации) господствовать над природой, но найти с ней мир, гармонию и признать необходимость взаимосохранения.

Вот почему понятие устойчивого развития приобретает сегодня новое, особое философское значение. Именно через призму такого гуманоцентрически-природоориентированного комплексного и одновременно системного подхода необходимо смотреть на все многообразие составных элементов концепции ESG и самого устойчивого развития.

Эта концепция ESG по своей природе и даже эволюции своего развития весьма гармонично сочетается с современным пониманием более широкого и всеобъемлющего понятия устойчивого развития и может являться удобным масштабным инструментом правового регулирования самых различных направлений устойчивого развития. При этом платформы, имеющие сходную с экосистемой экономическую и правовую природу, но более специализированные и имеющие несколько меньшие масштабы, чем экосистемы, соответственным образом можно также использовать для системного и комплексного правового регулирования различных сторон устойчивого развития.

В то же время диалектика развития нашего несовершенного мира сегодня требует учитывать не только светлые цели и возможности благоприятного для человека и природы использования концепции устойчивого развития, но и ее обратную сторону – возможность злоупотребления инструментами ESG-концепции.

Так, более экономически «ESG-благополучные» государства, к тому же стремящиеся принять выгодное для них междуна-

родное «устойчивое» законодательство, вполне могут создавать неприемлемые для менее благополучных стран условия развития, системы штрафов, требований, неудобных процедур и т.д. Подобно злоупотреблениям с идеологией прав человека, могут быть развиты идеологемы «устойчивого» и «неустойчивого» развития, «назначены» нужные виновные, изгои и аутсайдеры с соответствующими экономическими и политическими санкциями.

Не обязательно будет способствовать ускоренному развитию планеты формирующийся вокруг концепции устойчивого развития уже сегодня цифровой регуляторный бюрократизм. Очень возможна борьба крупных финансово-экономических и политических интересов по самым различным компонентам этой практически безграничной по масштабам концепции, и наша страна должна быть готова отставивать все многообразие своих интересов, в том числе и правовых, в этом хитросплетении отношений.

Особенный интерес представляет собой обнаруживающаяся интеграция с платформой и экосистемой, что позволяет выйти на обеспечение правового регулирования искусственного интеллекта, использования больших данных, криптовалют и многих других новейших цифровых технологий и одновременно гарантировать устойчивое развитие всего человечества [1].

Для этого необходимо избрать и разработать соответствующие комплексные инновационные методологические подходы. Эти подходы в силу широты, многообъектности и междисциплинарности поставленных задач требуют совмещения и системной интеграции методов, применяемых прежде всего в экономике, технологиях и праве.

Так, из экономики эффективно применять исторический анализ экономиче-

ских явлений, построение экономических гипотез, экономическое моделирование и прогнозирование. Полезными являются технические методы управления, защиты окружающей среды, обеспечения безопасности. В области права особенно продуктивно использование методологии интеграционного права, нового метода сравнительного интеграционного права,

применяемого в контексте сравнительного платформенного и экосистемного права, киберправа и так далее.

И тем не менее, несмотря на все противоречия и трудности, устойчивое развитие есть не что иное, как неизбежный поиск солидарного коллективного выживания и каждого человека, и всего человечества в современных условиях.

Литература

1. Алтухов А.В., Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Основы платформенного и экосистемного права: учеб. пособие / под ред. С.Ю. Кашкина. М.: Русайнс, 2022.
2. Блажеев В.В. Введение. Цифровое право: учеб. / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. С. 9.
3. Голоскоков Л.В. О сущности сетевого права // Сетевое право и финансы: сб. науч. тр. М., 2011. С. 8.
4. Мажорина М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // Lex russica. 2019. № 2. С. 107–120.
5. Климов А.А., Заречкин Е.Ю., Куприяновский В.П. О цифровой экосистеме современного университета // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2019. № 4. С. 812.
6. Гаджиев Г.А., Баренбойм П.Д., Лафитский В.И. Конституционная экономика. М.: Юстицинформ, 2010. 256 с.
7. Право и общество в эпоху социально-экономических преобразований XXI века: опыт России, ЕС, США и Китая: кол. монография / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2021. С. 226.
8. Цифровое право: учеб. / под ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 640 с.
9. Grinvald L.C. Platform Law and the Brand Enterprise // *Berkeley Technology Law Journal*. 2017. Vol. 32. Pp. 1135–1182.
10. Kenney M., Zysman J. The Rise of the Platform Economy // *Issues in Science and Technology*. 2016. Vol. 32. № 3. Pp. 61, 65.
11. Kotyal S.K., Grinvald L.C. Platform Law and the Brand Enterprise // *Berkeley Technology Law Journal*. 2017. Vol. 32. Pp. 1135–1182.
12. Label O. The Law of the Platform // *Minnesota Law Review*. 2016. Vol. 101. p. 89.

References

1. Altuxov A.V., Kashkin S.Yu., Chetverikov A.O. (2022) *Osnovy' platformennogo i e'kosistemnogo prava* [Fundamentals of Platform and Ecosystem Law]. Moscow: Rusains. (In Russian).
2. Blazheev V.V. (2020) *Vvedenie. Cifrovoe pravo* [Introduction. Digital Law]. Moscow: Prospect. p. 9. (In Russian).
3. Goloskokov L.V. (2011) *O sushhnosti setevogo prava* [About the essence of network law]. *Network law and finance*. Moscow. p. 8. (In Russian).

4. Mazhorina M.V. (2019) Cifrovyye platformy' i mezhdunarodnoe chastnoe pravo, ili Est' li budushhee u kiberprava? [Digital platforms and private international law, or does cyber law have a future?]. *Lex russica*. No. 2. Pp. 107–120. (In Russian).
5. Klimov A.A., Zarechkin E.Yu., Kupriyanovskiy V.P. (2019) O cifrovoj e'kosisteme sovremen-nogo universiteta [About the digital ecosystem of a modern university]. *Modern information technologies and IT education*. No. 4. p. 812. (In Russian).
6. Gadzhiev G.A., Barenbojm P.D., Lafitskiy V.I. (2010) *Konstitucionnaya e'konomika* [Constitutional economics]. Moscow: Justicinform. 256 p. (In Russian).
7. Blazheev V.V., Egorova M.A. (ed.) (2021) *Pravo i obshchestvo v e'poxu social'no-e'konomicheskix preobrazovanij XXI veka: opyt' Rossii, ES, SShA i Kitaya* [Law and society in the era of socio-economic transformations of the XXI century: the experience of Russia, the EU, the USA and China]. Moscow: Prospect. p. 226. (In Russian).
8. Blazheev V.V., Egorova M.A. (ed.) (2020) *Cifrovoe pravo* [Digital Law]. Moscow: Prospect. 640 p. (In Russian).
9. Grinvald L.C. (2017) Platform Law and the Brand Enterprise. *Berkeley Technology Law Journal*. Vol. 32. Pp. 1135–1182.
10. Kenney M., Zysman J. (2016) The Rise of the Platform Economy. *Issues in Science and Technology*. Vol. 32. No. 3. Pp. 61, 65.
11. Kotyal S.K., Grinvald L.C. (2017) Platform Law and the Brand Enterprise. *Berkeley Technology Law Journal*. Vol. 32. Pp. 1135–1182.
12. Label O. (2016) The Law of the Platform. *Minnesota Law Review*. Vol. 101. p. 89.